

Иванова В.М.

Брестский государственный университет, Брест

РАССКАЗЫ Р. ДАЛА: ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИЕМА НЕОБЫЧНОЙ КОНЦОВКИ

Жанр рассказа занимает прочные позиции в творчестве английского писателя Роальда Дала (другой вариант транслитерации его фамилии звучит как Даль). Кроме романов, многочисленных произведений для детей и сценариев, в его творчестве насчитывается свыше шестидесяти рассказов, большая часть которых опубликована в единой антологии в 1991 г. [2]. В данное издание вошли четыре сборника, опубликованные в разные годы, и несколько рассказов, печатавшихся отдельно. Вышедший первым сборник «Перехожу на прием» (*Over to You*, 1946) включает рассказы, основанные на опыте писателя, приобретенном им

во время службы в королевских ВВС в годы второй мировой войны. Затем последовали сборники «Кто-то вроде вас» (*Someone Like You*, 1953), «Поцелуй» (*Kiss Kiss*, 1960) и «Ночная гостья» (*Switch Bitch*, 1974).

Р. Дала называют мастером приема необычной концовки, сравнивая его с такими писателями, как Г.Х. Манро и О. Генри. Этот прием у англичан носит название *twist-in-the-tail*, что означает неожиданный поворот событий или парадоксальное завершение разворачивающегося сюжета. Лингвостилистические особенности концовки как композиционного элемента художественного текста рассматриваются в работах О.К. Денисовой, Н.И. Белоус, И.Ж. Винокуровой, и, в частности, О.К. Денисова предлагает классификацию шести видов концовок коротких рассказов, одним из которых является «конец-обманутое ожидание» [1, с. 22]. Автором приводятся результаты статистической обработки 300 англоязычных рассказов, исходя из которой, лишь в небольшом проценте произведений заключительный фрагмент текста можно отнести к упомянутому типу. Анализ рассказов Р. Дала, в свою очередь, позволяет утверждать, что прием неожиданного поворота событий является одним из наиболее распространенных средств создания текстовой напряженности их конца и изменения основной тональности произведения.

Во многих рассказах сборника «Поцелуй» конец представлен одной-двумя репликами одного из действующих лиц, содержание которых придает всему произведению довольно мрачную, а иногда и зловещую, окраску. Изменение тональности происходит за счет использования автором принципа фольклорного перевертыша, способствующего созданию парадоксального эффекта, который обусловлен тем, что действия персонажей рассказов подвергаются своеобразному выворачиванию. Их поведение характеризуется необычной функциональной обусловленностью в рамках отведенных им в сюжете ролей. В рассказе «Уильям и Мэри» (*William and Mary*) описывается жизнь семейной пары, в которой супруг деспотически контролирует и подвергает постоянной критике свою жену, в то время как она неуклонно играет роль добропорядочной супруги, никогда не проявляя ни малейшего недовольства. После смерти мужа Мэри узнает из его предсмертного письма, что он завещал свой мозг для медицинского эксперимента. Эксперимент, как оказалось, был проведен успешно, и в результате мозг Уильяма продолжает функционировать так же, как и при жизни. Более того, он соединен с одним сохраненным глазным яблоком, что означает, что ушедший из жизни человек может по-прежнему воспринимать то, что попадает в поле зрения этого глаза

и осмысливать получаемую информацию. Рассказ завершается словами жены, выражающими ее намерение забрать мозг мужа из лаборатории домой, поскольку он принадлежит ей по праву. Несмотря на притворно почтительный тон обращения к тому, кто не потерял способность наблюдать за ней, читателю ясно, что теперь женщина собирается руководствоваться желанием вести себя так, чтобы причинять постоянную боль тому, кто держал ее в постоянном подчинении всю жизнь.

Название рассказа «Бедолага Джорджи» (*Georgy Porgy*) перекликается с английским детским стихом о персонаже с таким же насмешливым прозвищем, который любит целовать девчонок (*Georgie Porgie, pudding and pie, Kissed the girls and made them cry*). Из-за перенесенной в детстве психологической травмы герой рассказа старается избегать женского общества и выбирает для себя роль сельского викария. Ему постоянно кажется, что похотливые прихожанки преследуют его, имея все намерения его соблазнить. Это становится навязчивой идеей, и в результате нервного срыва, который вызван не столько манией преследования, сколько подавляемыми сексуальными желаниями, герой оказывается в психиатрической клинике. Он не совсем адекватно воспринимает происходящее с ним, пытаясь увещевать своего лечащего врача, чтобы тот не впал в депрессию. Наставление Джорджа является завершающей репликой рассказа: *There is always some balm in Gilead* [2, с. 129]. Упоминание бальзама из Галаада (или галаадского бальзама) относится к понятиям, встречающимся в Библии. В отличие от прямого значения его как терапевтического средства, Библия использует название ароматической мази как символ милости, духовного благословения и божественного обеспечения на земле. Однако в «Словаре библейской традиции в английской литературе» это понятие трактуется не как образ места обетования, которое приносит утешение разуму и духу, а как состояние, которое нельзя назвать здоровым или утешительным, то есть как образ отрицательный. Словарь подтверждает такую трактовку литературными примерами, одним из которых является роман М. Этувд «Рассказ служанки», действие которого происходит в Галааде [3, с. 71-73]. Таким образом, концовка рассказа имеет целью донести идею, что напускное христианское самоотречение делает героя рассказа жертвой своих подавляемых желаний. Ироническое развитие его судьбы и парадоксальный диалог между интертекстуальными маркерами различного характера способствуют реализации скрытых смыслов на уровне целостного текста.

Концовка рассказа «Бытие и катастрофа» (*Genesis and Catastrophe*) содержит мольбу матери новорожденного младенца к Богу, чтобы жизнь ее ребенка не оборвалась, как это уже произошло с тремя ее умершими детьми: *He must live, Alois. He must, he must <...> Oh God, be merciful unto him now <...>*. Отчаявшаяся женщина все месяцы своей беременности молилась о здоровье ребенка, но, к своему горю, она видит, что младенец крохотный и слабый. Это вызывает ее опасения, что он тоже может умереть. Подзаголовок рассказа «Правдивая история» и упоминание имен родителей – фрау Гитлер и герр Гитлер – дает читателю понять, что слабый ребенок вырастет в будущего Адольфа Гитлера. Концовка, которая, на первый взгляд, может показаться открытой, приобретает парадоксально зловещий характер. Это происходит также благодаря ретроспективному взаимодействию концовки рассказа с его заглавием. Так же, как выражение «альфа и омега», слово Бытие в библейском контексте сочетается с названием последней книги Священного Писания – Откровение, обозначая начало и конец полностью осуществленного плана Бога для созданного им человека. Вводя в заглавие слово «катастрофа», автор побуждает читателя к интерпретационной активности. Слезы матери при этом вызывают не столько сочувствие, сколько заставляют размышлять над целым рядом вопросов философского и теологического характера. Жестокая ирония заключается в том, что вымоленный ребенок принесет катастрофические последствия для жизни миллионов людей.

Приведенные примеры, а также концовки рассказов «Хозяйка пансиона» (*The Landlady*), «Маточное желе» (*Royal Jelly*), «Дорога в небеса» (*The Way up to Heaven*) убедительно свидетельствуют, что для Р. Дала использование приема выворачивания сюжетных и ситуационных ролей является не просто композиционным средством создания кульминационного момента драматической ситуации. Для него это способ вовлечения читателя в своеобразную игру в сотрудничество. Эффективное использование приема неожиданной концовки способствует переоценке читателем полученной информации и постижению необычной смысловой глубины художественного текста.

Литература

1. Денисова, О.К. Роль конечного абзаца в структурно-смысловой организации текста / О.К. Денисова // Структурно-семантическая организация и интерпретация художественного текста: сб. ст. – Вологда: Пед. ин-т, 1986. – С. 19-27.
2. Dahl, R. The collected short stories / R. Dahl. – London: Penguin Books Ltd, 1991. – 762 p.
3. Jeffrey, D.L. A dictionary of biblical tradition in English literature / D.L. Jeffrey. – Grand Rapids, Michigan, 1992. – 960 p.